

Иоанна Мянговска

**М. ДАНИЛЕВИЧ-ЗЕЛИНЬСКА
О ПОЛЬСКИХ ПОЭТАХ-ЭМИГРАНТАХ**

Рассматриваются книги польской писательницы М. Данилевич-Зелиньской «Фадо о моей жизни» и «Очерки литературы эмиграции». Характеризуются воспоминания и критические суждения М. Данилевич-Зелиньской о поэтах-скамандритах: например, Ю. Тувииме, Я. Лехоне, К. Вежинском, С. Балиньском и др. Освещается логика оценок, которые дает писательница современникам-литераторам, историческое значение воспоминаний Данилевич-Зелиньской.

This article analyses the books of the Polish writer Maria Danilewicz-Zielińska The fado of my life and Essays on literary emigration. The author focuses on Danilewicz-Zielińska's recollections and criticism of the members of the Skamander group: Julian Tuwim, Jan Lechoń, Kazimierz Wierzyński, Stanisław Baliński, etc. The article explores the logic of the writer's assessments of her contemporaries and emphasises the historical significance of Danilewicz-Zielińska's memoirs.

Ключевые слова: польская литература, польские поэты-эмигранты, литература польской эмиграции, поэты-скамандриты, литературная критика.

Key words: Polish emigrant poets, exile literature, Skamander poets, critical reflections and judgments.

О польской писательнице Марии Данилевич-Зелиньской, прозаике, библиографе и критике, представительнице польской эмиграции, нам уже приходилось писать на страницах «Вестника БФУ им. И. Канта» [9]. В продолжение темы обратимся к размышлениям этой, по выражению К. Глуховского, «чародейки польского слова» [5] о ее коллегах по перу и товарищах по изгнанию.

В книге М. Данилевич-Зелиньской «Фадо о моей жизни» есть страницы, посвященные поэту Казимежу Вежиньскому [3, s. 54–59]¹. Знакомство с Вежиньским писательница относит к зиме 1939–1940 гг. Это произошло в Париже, на вечере скамандритов. Как известно, скамандриты – кружок поэтов, возникший в Варшаве после 1918 г. и группировавшийся сначала вокруг журнала «Pro'Arte et Studio», а затем – ежемесячника «Скамандр» (1920–1928, 1935–1939). Известные его представители – Ю. Тувим, Я. Лехонь, К. Вежиньски, А. Слонимски и Я. Ивашкевич [4, s. 510–511]. Встреча Данилевич-Зелиньской и К. Вежиньского положила начало их многолетней дружбе.

Вежиньский был человеком необычной судьбы. В 1915 г. он попал в русский плен и два с половиной года находился в лагере в Рязани, откуда в 1918 г. бежал. После побега он скрывался в Киеве, а затем попал в Варшаву, где оказался среди основателей группы «Скамандриты» [6, s. 340–341]. Воспоминания писательницы о Вежиньском построены в хронологическом порядке. Франция, Лондон, Локарно – везде поэт был желанным гостем супружеской четы Данилевичей, мемуаристка называет размышления о нем «важными» и «приятными» [3, s. 56]. М. Данилевич-Зелиньска вспоминает о том, как Вежиньский писал стихи. Этот процесс состоял из двух этапов – сначала идея стихотворения появлялась в воображении поэта в сокращенной форме. На этом этапе Вежиньски стремился поделиться замыслом с близкими ему людьми. «Он любил наблюдать, как новое произведение, вернее его зарисовка, впечатляет. Идея произведения возникала спонтанно, но ее осуществление оказывалось довольно часто кропотливым и долгим» [3, s. 56]². Воплощение задуманного давалось Вежиньскому тяжело. Поэт выглядел смертельно уставшим после каждого нового произведения.

Свою дружбу с Вежиньским М. Данилевич-Зелиньска описала также в новелле «Итальянский остров поэта» («Włoska wyspa poety») [3, s. 57].

Мемуаристка высоко ценила своего коллегу по перу и очень быстро запоминала его стихотворения. Ее мысли о поэте исключительно теплы. Она зорко подмечает черты характера Вежиньского – человека приветливого, прекрасного рассказчика, но одновременно нервного, «перескакивающего» в своей речи с одной темы на другую, переменчивого в настроении.

М. Данилевич-Зелиньска называет его странником, всегда находившимся в пути; мемуаристке он запомнился вечно разбирающим свой багаж либо готовящимся к новой поездке. Часто меняя места проживания, поэт проехался по Голландии, Италии, Испании, Франции, Англии, Мексике, Бразилии и, наконец, США [6, s. 340]. Будучи эмигранткой, Данилевич-Зелиньска с глубоким пониманием пишет о ностальгии Вежиньского по Польше. Он хотел бы вернуться на родину, но не мог осуществить эту мечту по политическим причинам: Вежиньский

¹ О поэте Казимеже Вежиньском см.: [1].

² Перевод польских текстов на русский язык здесь и далее наш. – И. М.

сотрудничал (как, кстати, и писательница) с радиостанцией «Свободная Европа». Работа на радио обеспечивала его материально, но подчеркивала возможность возвращения в Польшу. Выходец из Галиции, поэт сентиментально относился к своим воспоминаниям о школах в Дрогобыче, Хырове и Стрые, о Львове. За несколько часов до своей кончины Вежинский звонил Данилевич-Зелиньской и расспрашивал ее о некоем вулкане в Гватемале: он писал стихотворение, в котором сравнивал своего друга с вулканом.

М. Данилевич-Зелиньска дружила и с женой поэта, талантливой художницей, которая ради мужа отказалась от любимой ею живописи. Супруг-поэт был для нее божеством, и она всю свою жизнь посвятила заботе о нем. Данилевич-Зелиньска вспоминает, что уже перед смертью Вежинского его вдова признавалась, что, проходя мимо магазинов мужской одежды, она невольно думает, какие из выставленных галстуков и рубашек были бы к лицу ее мужу [3, s. 58].

Другой герой воспоминаний М. Данилевич-Зелиньской — литератор Антоний Слонимский, поэт, эссеист и драматург, который после пребывания в эмиграции во Франции и Англии в 1951 г. вернулся в Польшу [6, s. 296–297]. Чета Слонимских, по воспоминаниям Данилевич-Зелиньской, в Лондоне устраивала литературные вечера, на которые приходили известные профессора Кароль Эстрейхер, Стефан Тэмерсон, Феликс Топольски и др. Каждый из гостей приносил хозяевам по одному яйцу — именно столько полагалось каждому жителю Лондона по карточкам в неделю. Подарок «приятный и полезный» [3, s. 54] — грустно шутит мемуаристка. Слонимского писательница наделяет в своих мемуарах особым остроумием и язвительностью.

Есть в мемуарах и строки о поэтессе Марией Павликовской-Ясножевской. Писательница знала ее еще в Польше, а их эмигрантская встреча состоялась в Англии. Две женщины легко нашли общую тему, так как обе тогда были женами летчиков [3, s. 83]. Как можно догадаться, Данилевич-Зелиньска недолюбливала поэтессу, поскольку в воспоминаниях сосредоточилась лишь на ее личной жизни.

Не было симпатии у нее и к Юлиану Тувиму, с которым Данилевич-Зелиньска познакомилась рано и при довольно смешных обстоятельствах. Она заметила ошибку в одной из статей Тувима и сказала об этом именитому автору. Тот же считал свое мастерство безупречным, и сделанное замечание сказалось на всех дальнейших взаимоотношениях Тувима и Данилевич-Зелиньской.

Упоминает мемуаристка и о знакомстве со Станиславом Балиньским, которого она называет спутником литературной группы скамандритов. Писательница вспоминает о его увлечениях — табаке и собаке. Знакомство оказалось кратким по причине последовавшей вскоре смерти Балиньского [3, s. 82–83].

Следует подчеркнуть, что в воспоминаниях Данилевич-Зелиньской ее коллеги по перу показаны в разных жизненных обстоятельствах, и суждения писательницы о них довольно субъективны. К тому же ее мнения и оценки высказаны на определенном историческом фоне.

О своем времени мемуаристка пишет: «Книги, изданные не в Польше, не подлежащие цензуре, мы считали эмигрантской литературой» [3, s. 60]. После 1989 г. с отменой цензуры, — продолжает писательница, — обстановка изменилась. После возникновения Третьей Речи Посполитой не стало причин определять книги, написанные на чужбине, как эмигрантские. «Это, — отмечает Данилевич-Зелиньска, — уже одна общая польская литература» [3, s. 63].

Много внимания поэтам-изгнанникам уделяет Данилевич-Зелиньска и в своих «Очерки литературы эмиграции» [2]. Эта книга, написанная уже в Португалии, когда писательница после смерти первого мужа вышла замуж за дипломата Адама Казимежа Зелиньского, выдержала несколько изданий (Париж — 1978, Вроцлав — 1992, 1999) и получила высокую оценку литературных критиков. «Многие годы, — отмечает В. Левандовский, — книга эта будет играть роль основного источника информации о литературной жизни Второй Эмиграции» [7, s. 20]; см. также в [8].

Если в «Фадо» поэтам-скамандритам посвящены лишь короткие сюжеты, в «Очерках» Данилевич-Зелиньска отводит им больше внимания. Причем говорит не только о тех, кто провел жизнь в эмиграции, но и о вернувшихся в Польшу [2, s. 157–183].

Ю. Тувим (возвратившийся на родину в 1946 г.), находясь в США, по словам писательницы, все более обращался в сторону современности и стал «поэтом крайне политическим». Данилевич-Зелиньска высоко оценивает его поэму «Польские цветы» («Kwiaty polskie»), отмечая ее превосходный язык, «расцвеченный» элементами городского говора Лодзи и Варшавы. Однако она считает преувеличенной оценку американского критика Л. Томаса, назвавшего поэму наиболее выдающимся поэтическим достижением эмиграции [2, s. 159]. Впрочем, по ее мнению, Тувима вообще нельзя считать эмигрантским поэтом [2, s. 160].

В поэзии еще одного скамандрита — Яна Лехоня, покончившего жизнь самоубийством, Данилевич-Зелиньска выделяет прежде всего мотивы расставания, прощания с жизнью. Его «Дневник» писательница расценивает как повесть о самом себе, о пути к трагическому финалу, о борьбе с собой. Итоговая оценка неоднозначна: «Он останется в литературе воплощением триумфа и упадка “Скамандра” и автором “Дневников”» [2, s. 165].

Много места в своих «Очерках» Данилевич-Зелиньска отводит К. Вежиньскому. Вместе со своими друзьями-скамандритами Вежиньски был, по ее мнению, соавтором поэтической революции, которая коснулась, однако, больше тематики и лексики стихов, нежели поэтической формы. «Скамандриты остались верны традиционной версификации, строфе и рифмам. Иногда изменяли рифме для ассонанса» [2, s. 166]. Писательница анализирует творчество Вежиньского парижского и американского периодов, отмечая, что поэт до конца верил в свое возвращение на родину. В сотрудничестве с радио «Свободная Европа» Вежиньски находил возможность пропаганды своего творчест-

ва и своеобразную форму диалога с читателями [2, s. 172]. Данилевич-Зелиньска завершает свой очерк о поэте словами его большого друга, автора непревзойденной книги «Другой мир», Густава Херлинга-Грудзиньского, считавшего Вежиньского «счастливым поэтом»: «...его последняя книга “Сон”, которую он исправлял еще за час до смерти, — свидетельство того, что слово перестает биться вместе с сердцем» [2, s. 175].

В «Очерках» Данилевич-Зелиньска открыто и довольно строго высказалась о стихах Марии Павликовской-Ясножевской. Чтобы смягчить свое суждение, она приводит чужие восторженные мнения о ее даре, сама же кратко резюмирует: «Павликовска — это яркий пример таланта, деградированного бедствиями войны и болезнью» [2, s. 179].

Что касается Станислава Балиньского, то в «Очерках» писательница говорит о его богатой родословной, о литературном прошлом его семьи [2, s. 180—183]³, а наиболее значительной частью его наследия признает вышедшее в 1948 г. «Собрание стихов» («Wiersze zebrane»).

Подытоживая написанное Данилевич-Зелиньской о скамандритах, необходимо сказать, что ее очерки о них довольно избирательны, хотя писательница стремилась избегать односторонних суждений, крайне критических оценок, добиваясь объективности, приводила мнения других критиков. На наш взгляд, еще долгие годы книги Данилевич-Зелиньской будут ценным свидетельством о литературной жизни Второй Эмиграции, о развитии ее писательских и критических талантов. К сожалению, лишь в 1989 г. Данилевич-Зелиньска смогла стать членом Союза польских писателей, годом позже ее книги вышли в Польше. Упомянутый нами К. Глуховский в радиопередаче 19 декабря 2004 г. назвал ее полькой, сумевшей, несмотря на все границы, объединить своих коллег по перу — эмигрантов и полуэмигрантов. Недаром писательница говорила: «Польша всюду следует за мной» [10].

Список литературы

1. *Historia literatury polskiej* : w 10 t. / pod red. A. Skociek. Bochnia ; Kraków ; Warszawa, 2002—2005. Т. 9
2. *Danilewicz-Zielińska M. Szkice o literaturze emigracyjnej*. Wrocław, 1992.
3. *Danilewicz-Zielińska M. Fado o moim życiu. Rozmowy z Włodzimierzem Paźniewskim*. Toruń, 2000.
4. *Głowiński M., Kostkiewiczowa T., Okopień-Sławińska A., Sławiński J. Słownik terminów literackich* / pod red. J. Sławińskiego. Wrocław, 1998.
5. *Głuchowski K. Z przedmowy do książki. „Czarodziej polskiego słowa: Maria Danilewicz-Zielińska”*. Aleksandrów Kujawski, 2005.
6. *Klimaszewski B., Nowakowska Ewa R., Wysocki W. Mały słownik pisarzy polskich na obczyźnie 1939—1980* / pod red. Bolesława Klimaszewskiego. Warszawa, 1993.
7. *Lewandowski W. Wstęp* // Danilewicz-Zielińska M. *Biurko Konopnickiej*. Warszawa, 2000.
8. *Lewandowski W. ...Strofy dla mew i mgieł... Z dziejów literatury Drugiej Emigracji (i jej relacji komunikacyjnych)*. Toruń, 2005.

³ О Балиньском см.: [6, s. 27—29].

9 *Мяновска И.* Воспоминания Марии Данилевич-Зелиньской как документ эпохи // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 134–139.

10. *Siewierski H.* Ponad granicami. URL: <http://www2.tygodnik.com.pl/tp/2814/kultura04.php> (дата обращения: 02.04.2013).

Об авторе

Иоанна Мяновска — д-р филол. наук, проф., Университет им. Казимира Великого, Быдгощ.

E-mail: miano@wp.pl

About the author

Prof. Joanna Mianowska, Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz.

E-mail: miano@wp.pl